

А.Х. Востоков

**Переписка А.Х. Востокова в
повременном порядке**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А.Х. Востоков**
Переписка А.Х. Востокова в повременном порядке / А.Х. Востоков – М.:
Книга по Требованию, 2014. – 576 с.

ISBN 978-5-4241-7774-3

С объяснительными примечаниями И.И. Срезневского.

ISBN 978-5-4241-7774-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

и этимъ вызвалъ графа на переписку съ Востоковымъ, въ слѣдъ за началомъ которой они стали все болѣе и болѣе сближаться. Графъ Румянцовъ съ своей стороны вызвалъ Востокова на переписку съ Калайдовичемъ и съ другими. Первымъ письмомъ Востокова къ митр. Евгенію начинается мой сборникъ; послѣднимъ письмомъ митр. Евгенія къ Востокову онъ оконченъ. Всѣ письма найденныя мною въ бумагахъ Востокова, я собралъ въ повременномъ порядкѣ — одни по яснымъ отмѣткамъ времени, другія по соображеніямъ, и при переписи ихъ старался сохранить всѣ ихъ особенности.

«Переписка членовъ кружка была дружественная и вмѣстѣ съ тѣмъ исключительно ученая. Почти каждое письмо хоть на сколько нибудь есть достояніе исторіи нашей науки, или важное или по крайней мѣрѣ любопытное. Не менѣе важна эта переписка и какъ свидѣтельство о счастливомъ времени Русской науки, повтореніе котораго было бы радостно и теперь, не смотря на значительное увеличеніе числа людей, занятыхъ наукой и научныхъ обществъ, занятыхъ вполне или отъ части тѣмъ же, что занимало Румянцовскій кружокъ».

2-е Отдѣленіе Академіи опредѣлило издать сборникъ писемъ, мною отобранныхъ изъ бумагъ Востокова, — и его печатаніе началось почти немедленно. При печатаніи оказалось нужнымъ вставить нѣсколько писемъ, послѣ найденныхъ, и нѣкоторыя переставить — по вновь открывшимся указаніямъ о времени ихъ написанія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по приведеніи въ порядокъ всей переписки Востокова, оказалось, что и нѣкоторыя изъ писемъ, писанныхъ къ Востокову и Востоковымъ позже 7 февраля 1832 года, когда написано Евгеніемъ его послѣднее письмо къ Востокову, или составляютъ продолженіе прежде начатой переписки, или находится съ нею въ связи по содержанію или по характеру, такъ что безъ нихъ переписка была бы безъ желаемаго конца: по этому я рѣшился присоединить и ихъ, и вмѣстѣ съ ними дать мѣсто всѣмъ

письмамъ, сколько нибудь замѣчательнымъ по содержанию или по отношенію къ лицу Востокова, его трудамъ и призванію его значенія, въ дѣлѣ науки, до послѣдняго времени его жизни.

Невошедшее въ рядъ напечатанныхъ писемъ 1821—1864 гг. присоединяю въ дополненіяхъ; а то, что отыскалось относящагося ко времени предшествовавшему, и показалось не бесполезнымъ для характеристики Востокова и людей, съ которыми онъ былъ въ перепискѣ, помѣщаю во вводныхъ листахъ.

Такимъ образомъ въ издаваемой книгѣ помѣщена большая часть сохранившейся переписки Востокова. Не помѣщены здѣсь почти исключительно однѣ семейныя письма.

Въ концѣ книги прибавляю указатели.

ПЕРЕПИСКА А. Х. ВОСТОКОВА.

ВВОДНЫЕ ЛИСТЫ.

Старѣйшія изъ писемъ, сбереженныхъ Востоковымъ, суть письма друзей его въ юности, его товарищей по Академіи художествъ, гдѣ онъ воспитывался съ 1794 г., съ тринадцатилѣтняго возраста: письма Ермолаева, Иванова, Терebeneва, Репнина. Эти письма любопытны между прочимъ какъ свидѣтельства о степени образованности питомцевъ Академіи художествъ того времени и о предметахъ ихъ внутреннихъ помысловъ и дружескихъ бесѣдъ.

А. И. Ермолаевъ былъ первый, съ кѣмъ Востоковъ сблизился въ Академіи, и первый изъ товарищей, подарившій его дружескимъ письмомъ съ пути, изъ Систербека, куда онъ ѣздилъ въ концѣ 1798 года. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ этого письма изъ Систербека отъ 23 дек. 1798 г., когда Ермолаеву было 18 лѣтъ, а Востокову 17-ть.

Письмо написано къ двумъ друзьямъ-товарищамъ: Востокову и Иванову, и первый названъ Остенекомъ *):

«Ивановъ, Остенець . . . *Нѣтъ достаточныхъ словъ* къ выраженію всего того, что я ощутилъ получивъ ваше письмо, и скажу только то, что я самъ себя не помнилъ. Хозяинъ, хозяйка, дочь и все ихъ дѣти смотрѣли на меня выпуча глаза, и удивлялись моимъ восторгамъ. Друзья! я не могу сыскать прилагательнаго слова къ етому существительному, которое бы довольно выразило мои къ вамъ чувства, но какъ *идѣ бритвы нѣтъ тамъ*

*) Въ этомъ письмѣ, какъ и въ слѣдующихъ, соблюдено правописание подлинника.

шило брѣтъ, то я и прошу васъ быть довольными, еслии я употреблю обыкновенное слово: любезныя друзья . . .

Милыя, любезныя мои друзья! чрезмѣрно васъ благодарю за то, что вы ваши письма пишете не такъ какъ въ книжкахъ пишутъ . . . и мнѣ почти стыдно, писать вамъ такъ, какъ я пишу; но чтожъ дѣлать, еслии я лучше не умѣю; вѣтъ не всякому Господь *благословилъ открыть науку* . . . Поздравляю тебя, *Остенекъ*, что мы станемъ учиться Французской литературѣ, я увѣренъ что мы здѣлаемъ *des pas de géant vers la perfection* . . . Остенекъ, ты пишешь, что содержаніе твоей поемы не плодovито и просишь у меня совѣту, какъ бы оное разпространить и украсить; вотъ мой совѣтъ: *studuy своему воображенію* . . . Политическая твоя статья весьма хорошо писана, и я тебя весьма за нее благодарю, а особливо за выписку о экспедиціи и характерѣ Генерала *Буонапарте*. Я никакъ не могу всему вѣрить что о немъ пишутъ въ Лондонскихъ извѣстіяхъ, и для многихъ причинъ. Мнѣ нѣтъ времени представить тебѣ ихъ по порядку, а скажу только то, еслии бы *буонапарте* не имѣлъ тѣхъ талантовъ чрезъ которые онъ сдѣлался столь извѣстенъ, то я увѣренъ что Директорія Французская не поручила бы ему главнаго начальства надъ такою Армією, какова *Италянская* на которую Директорія положила въ произведеніи главнѣйшихъ своихъ плановъ противъ Римскаго Императора; притомъ Буонапарте долженъ бы былъ во всемъ послѣдовать совѣтамъ Бертье; но мы напротивъ того знаемъ, что во время баталіи при *Лоди*, Бертье не совѣтовалъ давать оную и даже предсказывалъ потерю всей Арміи еслии Буонапарте осмѣлится перейти мостъ при *Лоди*. Буонапарте не послушался и — одержалъ побѣду. Стало быть Буонапарте имѣетъ таланты, которые доставляютъ ему верхъ надъ неприятелемъ, въ то время, когда Бертье не находитъ въ себѣ и столько искусства, чтобъ хоть не проиграть баталіи».

На этомъ листѣ оканчивается; былъ вѣроятно и еще листокъ съ окончаніемъ письма, но онъ не нашелся въ бумагахъ Востокова.

Ермолаевъ вышелъ изъ Академіи къ А. Н. Оленину въ началѣ 1800 года, и лѣтомъ 1802 года сопровождалъ его въ путешествіи по Россіи. И въ этотъ разъ съ пути онъ писалъ письма Востокову. Одно изъ нихъ — изъ Москвы, «іюня 16-го поведѣльникъ».

«Любезный другъ. Вчера приѣхалъ я сюда ровно въ 9 часовъ утра, въ дорогѣ былъ ровно трое сутокъ. Какая удивительная вещь почта; давно ли кажется, я съ тобою видѣлся въ Петербургѣ, прощался съ тобою у Семіоновскаго моста; а теперь гдѣ дѣлся Петербургъ? гдѣ Семіоновскій мостъ? все перемѣнилось. — вмѣсто моста вижу я Ивана Великаго; вмѣсто трактира и извозицкой биржи возвышаются передо мной теремы царей Русскихъ; оглянусь на право и вмѣсто солдатскихъ казармъ, вижу Москву рѣку и часть города находится у меня подъ ногами. Ахъ! Какой прекрасный видъ дѣлаетъ Москва особливо естли смотрѣть съ Кремля. Ты увидишь старинную стѣну и по мѣстамъ нѣсколько башенъ отчасти заросшихъ травою; за стѣною течетъ рѣка, на другомъ ея берегу увидишь великолѣпныя дома, и маленькія хижинки и огромныя древніи Церкви, разбросанныя не регулярно. Вдали видны Воробьевы горы. Однимъ словомъ самой живописной видъ. Однакоже прощай, меня дожидаетъ извозчикъ, что бы ѣхать въ Тюфяи или Тюхили. Чортъ знаетъ какъ это мѣсто называется: жаль, что я не могу тебѣ болѣе писать; на возвратномъ моемъ пути я тебѣ все обстоятельства опишу; а теперь спѣшу увидѣть Иванова *adieu mon tres chère ami*. Я для того не пишу ничего объ Новгородѣ, что я только проѣхалъ мимо его и могъ только увидѣть его, а не разглядѣть. — Прощай.

Навсегда твой вѣрный другъ А. Ермолаевъ.»

Другое письмо подписано: «Рязанской губерніи Касимовскаго уѣзда Село Салауръ. 18¹¹/_{VII}02».

«На силу собрался я къ тебѣ писать, не потому чтобъ мнѣ было лѣнь, а потому что не имѣлъ свободнаго времени, но теперь улуча оное, напишу тебѣ короба три; не думай однакоже чтобъ

это было описаніе моего путешествія изъ Петербурга въ Москву, хотя я тебѣ и общалъ, что буду вести журналъ всему, что со мной случится, однакоже «не надѣйтесь на князи, ни на вся сыны человеческія»; то есть у меня ни какого нѣтъ журнала — да и какъ можно вести его, ѣдучи на почтовыхъ. Знаешь ли ты какъ мы ѣдемъ? — въ трое сутокъ 730 верстъ... и гдѣ дорога хороша, тамъ мы проѣзжаемъ въ четверть часа по пяти верстъ. Можно ли ѣхать скорѣе? За то мы всѣхъ перегнали даже самую почту, которая выѣхала изъ Петербурга двумя днями прежде насъ. Новгородъ — великій — видѣлся только изъ дали. Подъѣзжая къ нему за нѣсколько верстъ еще открывается золотая глава Софійскаго собора. Ежели правда, что Новгородъ вмѣщалъ въ себѣ всѣ монастыри во кругъ его находящіеся, то это былъ единственный городъ въ свѣтѣ; не въ разсужденіи строеній, но въ разсужденіи его пространства. Когда къ нему подъѣзжаешь, то вся половина горизонта впереди находящаяся занята онымъ. Говорятъ будто, одна улица *рогатница* имѣла 36 верстъ длины. Какова улица, ежели это только не ложь? Тогда Новгородъ можно назвать *великимъ* какъ ради его бывшей силы, такъ и ради величины его. Въѣхавъ въ городъ я почувствовалъ что то такое, чего тебѣ описать не умѣю. Исторія Новгорода представилась моему воображенію; я думалъ видѣть на яву, то что я знаю по описанію; при видѣ каждой старинной церкви, приводилъ я себѣ на память какое нибудь дѣяніе изъ Отечественнѣй Исторіи. Воображеніе мое созидало огромныя палаты на всякомъ мѣстѣ, которое представлялось глазамъ моимъ. Гдѣ теперь хоромы Посадника Добрыни? думалъ я самъ въ себѣ и сердце мое сжималось; какая то тоска овладѣвала онымъ. Наконецъ представилась мнѣ старинная стѣна крѣпости (по старинному *дѣтница* или тверди). Какой прекрасный видъ! Стѣна уже получила цвѣтъ подобной ржавчинѣ, который гораздо темнѣе на верху, нежели въ низу; и весьма походитъ на *архитектурное пестряннѣ*. Зубцы по большей части обвалились, а на ихъ мѣстѣ растеть трава и не большія березовыя кустики.. въ

нѣкоторомъ разстояніи отъ стѣны внутри крѣпости есть башня, которая по увѣренію нѣкоторыхъ людей сѣставляла часть княжескихъ теремовъ. Не знаю правда ли это, однакоже когда мнѣ о томъ сказали, то старинная башня сдѣлалась для меня еще интереснѣе. Здѣсь, можетъ быть писана *русская правда*. Болѣе я тебѣ ничего объ Новгородѣ сказать не могу, потому что былъ въ немъ только два часа, то есть, пока привели лошадей съ почтоваго двора. Со всѣмъ тѣмъ удалось мнѣ окинуть глазомъ внутренность Софійскаго Собора, и найти, что славныя, мѣдныя двери, привезенныя Владиміромъ изъ Херсона, которыя намъ столько рекомендовалъ Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ *не суть важны* какъ говоритъ Михайловъ, потому что онѣ деревянныя и дѣланы при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ въ 1560 году, какимъ-то Псковитяниномъ и какимъ-то Бѣлозерцемъ, это я увидѣлъ изъ подписи вырѣзанной на самыхъ дверяхъ, ты самъ видишь какъ это далеко отъ Херсонскихъ дверей. Новгородъ наполненъ Россійскими древностями, особливо въ немъ много старинныхъ церквей, и живописью прежнихъ временъ; но краткость времени не позволила мнѣ ихъ осмотрѣть; они только что мелькнули въ моихъ глазахъ. Между тѣмъ какъ перемѣняли лошадей, мы остановились въ домѣ барона Вильдештейна. *C'est un allemand dans l'ame et soeur*. Вообрази что онъ будучи опасно боленъ лихорадкою сидитъ дома весь убранный. Баронъ высокъ ростомъ, сухъ и худощавъ. Коса какъ у Циммермана. На немъ былъ зеленой Французскій кафтанъ, бѣлой камзолъ, и лосинная исподница, превеличайшіе ботфорты съ ужасными шпорами. И во всемъ то этомъ нарядѣ онъ сидитъ на стулѣ протянувъ ноги до середины горницы. Словомъ это Нѣмецкій Баронъ во всей силѣ этого слова. Въ его домѣ живетъ мужикъ съумашедшій, котораго жена Баронова и прочія госпожи въ Новгородѣ почитаютъ святымъ, потому что онъ весь день съ утра до вечера сидитъ ничего не дѣлая, и Богъ знаетъ что бормочитъ. Баронша объявила себя жрицею сего оракула; и изъясняетъ все что онъ ни вретъ. Приѣхавъ къ барону мы застали у него даму,

которая прїѣзжала вопрошать пифію. Фигура оракула для меня отвратительна. Представь себѣ большаго толстаго мужика съ длинною русою бородою, у котораго рожа замарана табакомъ, а нагольный изорванный тулупъ запачканъ саломъ, чернилами и соплями, которые текутъ у него изъ носу, и которые онъ весьма чинно утираетъ рукою, или лучше сказать размазываетъ по рождѣ — руки обтираетъ онъ объ полы тулупа, и при всякомъ раскрытіи онаго, каждый желающій можетъ невозбранно видѣть нижніе его части — ходитъ босикомъ, всякую минуту охаетъ, и что-то бормочить, но такъ не вразумительно, что его и самъ чортъ не разберетъ. И эдакую чучелу почитаютъ святымъ и уважаютъ его ворчаніе. Не спору можетъ быть между с—ми много было такихъ, которые мало различествовали отъ этого, однакоже несносно говорить объ этой матеріи — она для меня несносна, мерзка. Отъ Петербурга до Торжка прескучная дорога, ничего не видно кромѣ лѣсу, кромѣ сосны и ели. Въ Торжкѣ пробыли мы семь часовъ. Здѣсь увидѣлъ я Александра Михайловича Бакунина, который чрезвычайно на тебя похожъ. Обликъ лица такой же, какъ у тебя, брови срослись; волоса черные, близорукъ, неловокъ, не слишкомъ опрятенъ, добръ, знающъ, уменъ и пишетъ стихи. Сколько сходства! признаюсь что увидя его я весьма обрадовался»...

И это письмо сохранилось безъ втораго листа; а въ августѣ Ермолаевъ воротился изъ путешествія.

Письма другаго друга юности Востокова, Ив. Алексѣев. Иванова, относятся къ 1799—1803 гг. Востоковъ сдружился съ Ивановымъ еще въ 1794 г. и сохранилъ къ нему дружбу до его смерти, можно сказать даже и послѣ его смерти, потому что остался до своей собственной смерти въ дружбѣ съ его почтенной вдовою. Письма Иванова писаны съ пути въ Москву и за Москву, гдѣ онъ получилъ работу. Вотъ нѣсколько строкъ изъ перваго письма Иванова, начатаго 4 мая 1799 г. въ Новгородѣ:

«Дрезденъ (гостинница) стоитъ на краю города и такъ я не могу судить хорошенько о всемъ Новѣгородѣ но мнѣ кажется

что онъ долженъ хорошо быть выстроенъ судя по предметамъ которыя мнѣ видны. Еще видна мнѣ старинная стѣна Дабы дать вамъ понятіе о фортификаціи нашихъ пращуровъ почитаю за нужное описать вамъ оную: она идетъ въ два ряда одинъ отъ другаго на нѣкоторое разстояніе, отъ мѣста до мѣста возвышаются круглыя башни, подъ самымъ карнизомъ оныхъ сдѣланы дыры для метанія оружія. Въ стѣнѣ сдѣланы отверстія съ верху до низу одно отъ другаго на довольное разстояніе. Всякое такое отверстіе прикрывается съзади огромными хоромами о двухъ и трехъ этажахъ. Стѣна стоитъ прямо безъ откосу продолжается безъ изгибовъ во многихъ мѣстахъ развалилась. Столько разъ защищала она русскихъ отъ русскихъ». Новгородская старина напомнила Иванову его взглядъ на возможность соединить Русское съ не-Русскимъ въ архитектурѣ, и вотъ онъ «въ десятый разъ», какъ самъ говоритъ, высказываетъ его такъ: «Много находится пріятнаго въ русско-готтическомъ вкусѣ по крайней мѣрѣ для меня, хоть вы смейтесь хоть нѣтъ. Я не одно на то имѣю оправданіе: готтический вкусъ тѣмъ дуренъ что чрезъ мѣру сухъ, а русской которой вы можете видѣть изъ кружевъ деревенскихъ полотенецъ изъ узоровъ извозчичьихъ рукавицъ и пр. много имѣетъ плоскаго, оляповатаго, такимъ образомъ двѣ противоположности обѣихъ вкусовъ умѣряютъ одна другую но вы не внемлете моимъ доказательствамъ и ты любезный Остеночикъ часто говаривалъ что у меня вкусъ испорченъ»

Второе письмо Иванова отъ 15—24 августа того же года было изъ Москвы. Оно начато такъ: «Я не хотѣлъ было къ вамъ писать прежде нежели увижу Карамзина и Комарова; но—судьба! Комаровъ можетъ быть уже въ живыхъ не существуетъ, а Карамзинъ отъ людей прячется... и такъ я до сей поры ихъ не видалъ, чтожъ дѣлать!» Этимъ однако не ограничилось въ немъ упоминаніе о Карамзинѣ. Въ немъ есть два мѣста, относящіяся къ повѣсти Карамзина о бѣдной Лизѣ, которая все еще (съ 1792 г.) продолжала занимать всѣхъ. «Дача Тюфиле — пишеть Ивановъ, въ ней жившій, — лежитъ подле Симонова монастыря,

границы оной касаются границъ монастырскаго владѣнїя къ которому кажется принадлежить и Лизинъ прудъ, сіе мѣсто очарованное Карамзиновымъ перомъ давно сдѣлалось уже мнѣ очень коротко знакомымъ — и ты этаго не знаешь? — о! виновать я сто разъ виновать зачемъ я не писалъ по первой почтѣ послѣ того хотя бы въ трехъ только словахъ которыми бы ты былъ доволенъ: я видѣлъ пруды, но нѣтъ, мнѣ хотѣлось всіо увидѣть что достойно любопытства и вдругъ потомъ ослѣпить тебя тѣмъ. Въ самой Петровѣ день ходилъ я туда въ первой разъ, не забывши взять и твои выписки которыми ты меня ссудилъ и которые теперь лежатъ у меня въ чемоданѣ во всякой цѣлости, представь себѣ естли бы ты былъ на моемъ тогда мѣстѣ, что бы... видѣть то о чемъ въ книжкахъ пишутъ? Не прїятно ли заниматься ожиданьемъ увидѣть похоже ли это мѣсто на то какъ мнѣ воображалось? такъ и мнѣ казалось что я отдѣляюсь отъ обыкновеннаго мира и переселяюсь въ книжной прїятной фантазической миръ, деревья, бугорки и кусты, какимъ то неизъяснимымъ образомъ напоминали мнѣ о Лизѣ... Шелъ я и въ самомъ дѣлѣ на прекраснѣйшими мѣстами какъ вдругъ представились передо мною странныя мрачныя башни монастырскія на крутой горѣ. Поднявшись на оную сѣлъ я въ тени стень его и вынулъ изъ кармана свернутую тетрадь твою, всіо какъ Карамзинъ списывалъ такъ и я видѣлъ, при словѣ: тамъ рыбы падаютъ съ неба любопытствовалъ я посмотреть въ верхъ кажется ли пространство надъ моею головою способнымъ производить рыбы, но особливаго ничего не примѣтилъ. Монастырь нынѣ уже не пусть, въ немъ множество монаховъ... я нашелъ хижину которая по всему должна быть та самая, наконецъ нашелъ и прудъ стоящій среди поля и окруженный деревьями и валами... опять сѣвши я продолжалъ читать, но — о! Остенекъ твоя тетрадь чуть не вырвалась у меня изъ рукъ и не скатилась въ самый прудъ къ великой чести Карамзина что копія его во всемъ сходствуетъ съ оригиналомъ. Нынѣ прудъ здѣсь въ великой славѣ, часто гуляетъ около него народъ станицами и читаетъ надписи вырѣзаные на деревьяхъ во кругъ